

Юрий Рогоза

Маленькая Лиза

*...la petite fille a
beaucoup de grands
secrets...*

ПРЕДИСЛОВИЕ ЛИЗЫ

Это моя книга, а не Рогозы. Честное слово. В ней все — мое и обо мне. А Рогозу я выбрала сознательно — знала, что он не упустит случая повыпендриваться, поскандалить и заработать денег.

Кроме того, когда мы с ним договаривались, я всего боялась — живых ментов, мертвых призраков и просто незнакомых людей. А сейчас это прошло, и я вдруг почувствовала, как это несправедливо, что мою историю рассказывает другой человек. Как будто я просто выдумана, а на самом деле меня нет, и не было.

Я есть. Я живу. Я подросла и даже немного поправилась, ребра уже не торчат. Ребятам в классе это, по-моему, нравится.

Мне очень хочется рассказать вам всем

правду о себе. Рассказать самой, без чужих мыслей и придумок. Сейчас это уже, конечно, не получится, но редактор — он очень хороший, замечательный человек — сказал, что имеет право опубликовать мое предисловие. Вот я его и написала.

С Рогозой, конечно, некрасиво получилось. Но мне его не жаль — он хитрый, и по-моему, не очень добрый. Я видела по — настоящему добрых людей, так что могу сравнивать. И потом — я же не претендую на его гонорар, денег у меня много. Так что все честно.

Когда будете читать книгу, постарайтесь понять меня и не считать просто жестокой дрянью. Ведь с вами такое тоже может случиться. Никто же не знает, как сложится жизнь дальше.

Лиза Н.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Это — моя книга. От начала и до конца. Она стоила мне нервных срывов и красных от усталости глаз. Она — строчка за строчкой — появлялась на свет душными городскими ночами под клацанье клавиш моего ноутбука.

Только умственно отсталый ребенок принял бы за книгу каракули в школьной тетради в

клеточку, которую принесла мне эта испорченная малолетка. О ее косноязычных рассказах и комментариях вообще говорить не приходится. Выстраивать из них более или менее стройную повествовательную линию было тяжело и неинтересно.

Но всерьез злиться на Лизу я не могу. Это все равно, что злиться, скажем, на кошку.

Другое дело — издатели. Эти умники решили, что напечатать в начале моей книги предисловие несовершеннолетней дурочки «целесообразно с коммерческой точки зрения». Я же считаю, что с их стороны это — свинство и нарушение профессиональной этики.

Впрочем, удивляться не приходится. Эпоху Мастеров мы не застали, приходится жить во времена продюсеров. Людей, которые потребляют наш труд и талант, а все вырученные за них деньги оставляют себе. Чтобы мы не могли позволить себе спокойной сытой жизни, и скоро явились к ним с очередным шедевром, который они милостиво будут готовы приобрести за гроши.

Ну, да ладно. Главное, что книга у вас в руках. И на ней заслуженно стоит мое имя.

Получите историю маленькой Лизы.

Юрий РОГОЗА

Светлой памяти Сергея
Евгеньевича Палагутина
(если он уже умер, в чем я
лично не уверен).

Спи спокойно,
Рыжий,
в этой их «новой
реальности»
тебе, алкоголику и
засранцу,
все — равно не
нашлось бы места.
«А нечистый — то не
спит, тут как тут,
в ухо шепчет, за
рукав дергает...»

*отец Никодим (в миру
Аникеев)*

МЕНТ

Так обычно и бывает. Хочется сидеть в полумраке дорогого уютного кафе (неприменно около окна) с бокалом мартини и тонкой сигаретой,

и смотреть на огни уходящего в ночь города. А сидишь в отвратительном ментовском кабинете, тесном и убогом, пропитанном многолетней плесенью допросов, признанок и других похожих радостей. Хотите увидеть стул, на котором никто не хочет сидеть? Зайдите в любую ментуру, он там стоит в комнате каждого опера — жесткий, потертый, пахнущий злым страхом и сотнями поломанных жизней. Я в эту минуту как раз сидела на одном из них.

Но перестала обижаться, как только увидела, что Мент и сам сидит точно на таком же, только символично стоящем по ту сторону стола и слепящего прожектора лампы. Есть все — таки на свете справедливость.

От Мента пахло дешевым одеколоном и почему — то кожей, хотя он был в старомодной джинсовой рубашке. Запах был резким, злым, очень настоящим. Этот запах был единственным, что мне нравилось в этой мрачной пыльной комнатке. Позже я поняла, в чем дело — Мент был перепоян ремнями кобуры из толстой рыжей кожи, и, усиленная вонью ружейной смазки, эта кожа красиво пахла мужеством и смертью.

Сам Мент уже несколько минут молча разглядывал меня через стол. А я в это время украдкой рассматривала комнатку. Или может, правильнее сказать — кабинет? Блеклые стены,

зарешеченное немытое окно, отвратительный сейф — железяка в углу, покрытый пятнами китайский электрочайник... Нет, менты никогда не победят, я видела кабинеты тех, с кем они пытаются бороться.

Я чуть повернула голову и вздрогнула. Они смотрели на меня из полумрака. Все пятеро. Смотрели с черно — белых фотографий, аккуратно приклепленных к стене. Те, из-за кого я здесь. Те, без кого я не стала бы такой, какая я сейчас.

Олигарх, Мэтр, Бюджетник, Телеблядь, Попик.

Женя и Антибренд смотрели с другого, противоположного, конца стены. Чтобы не перепутать. Живые и мертвые. Кажется, есть такая книга.

Но это у нормальных людей — живые и мертвые. А у ментов — подозреваемые и потерпевшие. Те, кого можно и нужно посадить и другие, которые не сядут уже никогда. Как ни старайся...

— Волнуешься? — хрипло спросил Мент из полумрака.

— Волнуюсь — честно ответила я — Я мопед не пристегнутым оставила. У вас тут даже пристегнуться не к чему.

— Ничего, там камеры наблюдения стоят — успокоил Мент — А хочешь — сходи, во двор загони, чтобы не дергаться.

— А это у нас что, надолго?

— От тебя зависит.

Он закурил, причем так вкусно, что мне тут же захотелось сигарету. Но попросить я не решилась — еще подумает обо мне неизвестно что. Вместо этого я попросила:

— Лампу опустите, пожалуйста. Спит.

Раздался противный пластмассовый скрип, луч света уперся в стол, и в комнатке сразу стало уютнее. Только лица мертвецов на стене проступили еще яснее, и от этого было немного не по себе.

— Вот такие дела — словно прочитав мои мысли, выдохнул Мент — Два дня — пять трупов. Неслабо, да?

— Время такое — тихо ответила я.

— Да ладно тебе — устало выдохнул Мент — Время... А раньше что, по — другому было?

— Да. По — другому.

— Интересно... Это как же?

— Добрее и лучше. Потому что в людях было больше Бога и меньше говна.

Мент поднял на меня удивленные глаза.

— Ты — то откуда можешь знать?

— Бабушка рассказывала.

— А... — Мент раздавил окурок в пепельнице и устало провел ладонями по лицу — Кстати, позвонить ей не хочешь? Волноваться, наверное,

будет.

— Не будет, она привыкла — я изо всех сил постаралась сказать это спокойно. И у меня получилось.

— Ну, как знаешь... — Мент придвинул к себе худую картонную папку и посмотрел на часы — Тогда давай. Рассказывай.

— Что... рассказывать? — растерялась я.

— Вот только дурочку мне здесь валять не надо — голос Мента вдруг зазвучал жестко, пугающе — Убиты пять человек. Совершенно разных и непохожих. А связывает их только что?!.. Правильно, все они были знакомы с тобой. Поняла, нет?

Мне вдруг стало очень страшно.

— Вы что же... Вы...меня подозреваете? — спросила я и не узнала собственного голоса.

Мент мучительно вздохнул и сказал немного другим тоном:

— Да расслабься, не подозреваю. Подозревал бы — по другому разговаривал.

И он снова посмотрел на часы.

— Тогда хоть бы кофе предложили. А еще лучше — сигарету... — не удержалась я.

Мент пристально посмотрел на меня и бросил на стол пачку «Кэмела».

— Тебе сколько — пятнадцать?

— Тринадцать. Но курить от этого не меньше

хочется.

И я запустила пальцы в пачку, пока он не передумал.

— Тринадцать... — устало и задумчиво повторил Мент — Еб твою мать... И откуда ты такая взялась?

Кто? Я?...

Я

Я взялась из истерзанного болью влагалища женщины, на звонки которой сегодня стараюсь не отвечать (правда, она сама звонит раз в месяц и то не очень настойчиво). Случилось это в провинциальном украинском городе Сумы, в роддоме номер два, на улице Санаторной. Конечно, я не помню, как рождалась на свет (по — моему, все, кто говорят, что помнят — врут), зато я очень хорошо помню, что наступило потом.

Потом наступило счастье. Абсолютное, непрерывное, такое настоящее, что и представить себе нельзя было, что оно когда —нибудь может закончиться. Счастье состояло из слепящего солнца, запаха листвы, ярких связок рвущихся в небо воздушных шариков, неудержимого, как полет, бега по изумрудной траве, огромных снежных сугробов зимой, волшебных огней салюта в праздничном небе и — смеха, смеха, смеха... На

всех детских фотографиях я улыбаюсь — широко и радостно, от уха до уха (может быть, поэтому сейчас я такая хмурая — отулыбалась на долгие годы вперед?)

У моего счастья было имя — Папа. Я даже не могу просто сказать, что любила его, это значило бы не сказать ничего. Он был центром мира, всем миром, частью меня (конечно же, наоборот — я была его маленькой частичкой!). Я осознавала, что в мире все в порядке, только когда сидела на его широких крепких плечах, или с замиранием сердца слушала сказки, которые он мне рассказывал, или обнимала его маленькими ручками, чувствуя родной до крика запах. С этим запахом вообще доходило до смешного — я отбирала его приготовленные для стирки футболки и прятала у себя в комнате — нюхала их, надевала на себя (они были огромными и сидели на мне, как широкие платья), засыпала в обнимку с ними. Мама ругала меня за это, но не сильно и как — то нехотя, словно для порядка (позже я поняла, что так оно и было).

Знаю, сейчас многие умники начнут говорить, что им все ясно, что психиатры давным-давно изучили это явление и даже придумали для него какое —нибудь мерзкое слово. Так вот, идите вы все в жопу. Никакая это была не психиатрия, и никакой не диагноз, а просто — огромные любовь и счастье маленькой девочки в городе Сумы. Тем